

Троя

Плохо... Как же мне плохо... Несвязная мысль и ощущение бессилия: тело словно налитое свинцом, даже век не поднять, стук сердца где-то в висках... и дышать невозможно!

Глаза все же распахнулись, и яркий всполох ворвался в сознание, ослепляя разноцветьем спектра. Рот раскрылся в беззвучном крике в попытке втянуть хоть каплю живительного воздуха.

И я его получила. Вдохнула с судорожным всхлипом, еще и еще. Смежила веки, спасаясь во тьме, не в силах выносить терзающее давление, сменившееся обрушившимся на меня тонким свистом. Мучительным, сметающим все на своем пути, кроме желания сжаться в комок, исчезнуть, раствориться в небытии — все что угодно, лишь бы не слышать. Застонала в отчаянной попытке избавиться от сводящего с ума звука, и... он исчез, захлебнувшись на последней визгливой ноте.

Покой...

Безликий, оглушающе тихий, вязкий... Желанный! Так и становятся душами, которым нет дела до мирских ощущений. Как амиотам. Им ведь материальность безразлична.

Почему я думаю об амиотах?

Оглушившая нежданно мысль сработала спусковым механизмом. Перед глазами в одно мгновение промелькнуло все, что сосредоточенный на сиюминутном разрушающем воздействии разум предпочел задвинуть за ширму пустоты.

То, как я чудом выжила на станции, с которой бежали существа, прихватившие меня с собой. Вернее, один из них. Вы-

жила, когда мир многих недавних коллег исчез в круговерти жадного голода амиотов.

То, как на моих глазах гибли соратники, теряя жизнь. Ее в буквальном смысле выпивали монстры, которых создали в лабораториях станции, самоуверенно рассчитывая использовать в собственных интересах. Не сложилось: творения превзошли создателей, а простые обитатели космической станции стали разменной монетой, подвернувшейся под руку сильнейшим. Нет, скорее уж питательным ресурсом, в свою очередь послужив интересам чудовищ.

То, что вопреки всякой логике я осталась в живых, когда угнанный чужаками транспортник настигли преследователи. Они должны были стереть его с лица Вселенной. И я была готова к крушению, понимая его неизбежность. Но... снова все случилось не так.

И вновь в ушах прозвучали мой внутренний крик ужаса, мольба-прощание, бесчисленные укоры самой себе. Душу переполняла горечь сожаления, что не ценила и не проживала каждый свой день как единственный и неповторимый, смиряясь с неизбежностью гибели, оставаясь пленницей амиота, я отчаянно желала повернуть время вспять, отчетливо понимая — невозможно. Та скучная, надоевшая, порой раздражавшая, но такая привычная жизнь безвозвратно утрачена.

Жизнь — понятие относительное. Мы не замечаем ее незначительных моментов, не способны в полной мере прочувствовать всю прелесть постоянства, когда в монотонном спокойствии и рутине день сменяется днем, а год — годом. Но стоит внезапно исчезнуть привычному и прежде казавшемуся скучным миру, как к каждому из нас неизменно приходит способность ценить то, что прежде не казалось значимым: способность ощущать жизнь во всей ее красоте и многообразии. Что имеем, не храним, потерявши — плачем!

Как же это страшно — ждать неизбежной гибели. Обидно вдруг осознать, что твоя жизнь была бесценна и отчаянно желанна. Никто не жаждет смерти, все мы желаем лишь жить. Всегда. Вопреки всему. Такова наша природа. Я опоздала с этим пониманием ровно на тот роковой миг, когда мой мир рухнул.

Несколько раз чудом избежав гибели, в тот момент, когда неуправляемый транспортник, разгоняемый силой притяжения планеты, с запредельной скоростью мчался к единственному финалу, я знала — мы разобьемся. Скафандр натягивала скорее из упрямого человеческого стремления цепляться за жизнь до последнего, глубоко в душе понимая смехотворность действий. Ничто уже не поможет. И даже чудовищный монстр, притиснувший к себе мое тело, онемевшее в ожидании неминуемого удара, уже не пугал. Смерть была страшнее своих посланников, а желание жить — безумным и отчаянным. Как и сожаления о том, что прежде не ценила.

Сейчас я заново переживала все. Перевернувшийся мир, в очередной, несомненно последний, раз взорвавшийся на осколки. Смерч из обезумевшего воздуха, наших тел и обломков рубки управления, видимый сквозь экран скафандра, прижатого к груди моего пленителя. Словно в недрах центрифуги, нас крутило, болтало и швыряло так, что я отчетливо понимала — от моих костей заживо оторвет все мышцы, и мое тело разлетится на осколки. Это естественно.

Страх, отчаяние и сожаление о том, что объективно не способна выдержать, — с ними я встретила свою гибель. Не выдержав боли и ужаса, провалилась в благодатную тьму.

Да здравствует вечное забвение! Будь проклято оно...

Последняя мысль перед тем, как мир навеки исчез в бешеном водовороте бесчисленных обломков. Исчез и возник вновь?!

Как? Круговерть обезумевшего воздуха улеглась, и мы не разбились?! Да быть не может...

Распахнула глаза, уже иначе реагируя на свет и лишь теперь осознавая всю палитру накрывших меня ощущений, принимая еще одну данность: тело при мне. И разум. Ведь невозможно спятить посмертно! Я жива. Точно жива!

Судорожно дернувшись, попыталась осмыслить итог произошедшего. Тело, оно же в порядке? Мне ничего не... оторвало? Сердце замерло на доли секунды, что понадобились равнувшим в мозг нервным импульсам, но все они категорично заверили мое сознание — жива, цела и вроде даже не сильно пострадала. Такое вообще возможно?!

Хотя...

Мышцы дрожали, словно накануне я с сумасбродным упорством отжимала неподъемную штангу. Кожу на бедре саднило — похоже, содрала. Что-то теплое стекало по верхней губе. Сил, чтобы стереть, не хватало, но при этом хотелось понять — пот это или что-то другое? Лишь когда жидкость скопилась в уголках губ и попала в рот, я ощутила солоноватый привкус железа. Все же кровь...

Повреждение. Это хорошо, да? Значит, я точно выжила. Или плохо? Настолько все серьезно, раз истекаю кровью?

Мысль оформилась запоздало, я даже не пыталась. Все было малозначимо. Какая разница, где я и почему очнулась именно сейчас, если кровь покидает организм?! Может ли моя убежденность в спасении быть следствием парализованного болевым шоком сознания в фактически умирающем раздробленном теле? Откуда идет кровь? Если серьезно пострадала голова, уже нет смысла разбираться в случившемся.

Рефлекторно дернулась, однако, чтобы поднять руку к лицу, пришлось приложить усилие. И все же я справилась. Сфокусировав взгляд, отчетливо увидела алый мазок на прозрачном лицевом щитке шлема, ощущая его как преграду для моей ладони в эластичной серебристой перчатке. На этом все: запястье тисками сжали чужие пальцы, делая невозможными дальнейшие движения.

Вскинув голову, встретилась глазами с пронзительным взглядом, и все мысли тут же исчезли. Кроме одной: худшее из невозможного случилось — Седьмой по-прежнему рядом. Он тоже выжил и меня не отпустил. Сберег приглянувшуюся игрушку.

Сколько мы так смотрели в глаза друг друга? В какой-то миг показалось, что вижу себя в бездонной глубине насыщенно-сиреневой радужки. Нет, не себя, а словно свои мысли. Отражение отращения и пробудившегося страха?

Глаза и лицо исчезли, а меня ослепило нахлынувшим светом, который прежде заслоняла голова амиота. Монстр отстранился, но времени на осознание перемен у меня не осталось. Вслед за потоком странно-резкого розового света снова нака-

тил невыносимый писк, вибрирующий, разрывающий голову, как если бы ее пытались просверлить насквозь.

Забыв о последствиях аварийного падения на непонятную планету, о ране, о кровотечении, даже о находящемся рядом жутком амиоте, я оцепенела, напрягая и без того изможденное тело в безуспешной попытке противостоять убийственному давлению.

Дичайшая боль, нечто несопоставимое с самим фактом существования — кошмарный звук, похожий на скрип когтей по стеклу, зудящий и разъедающий разум, буквально выворачивал наизнанку. Я практически оглохла и ослепла, желудок устремился к горлу, грозя удушьем. Попытки как-то дистанцироваться от воздействия себя не оправдали — я не продержалась и десяти секунд, как тело сотряслось в безумных судорогах.

Едва соображая, раздираемая изнутри невыносимой мукой, чувствуя, как лопаются капилляры, а позвоночник выгибается дугой, я бессознательно билась, силясь сорвать с себя все. Избавиться от тяжести и вибрации, которыми, казалось, пропитался окружающий мир.

Все мысли слились в агонизирующий вопль. Возможно, я на самом деле орала в полный голос, надрывая связки, но едва ли была способна услышать себя.

Как спастись? Отгородиться, спрятаться?.. Паника и боль не оставили шансов. И тут...

Все прекратилось так же внезапно, как нахлынуло.

Облегчение, практически эйфория... Тело бессильно обмякло. Ощущая себя желе из костей и мяса, я была способна лишь дышать. Даже думать казалось невозможным. Свет снова померк, яркое розовое сияние исчезло, скрытое тучей... Нет! Лицом!

— Троя? Троя?

В голосе, неведомым образом дошедшем до моего парализованного агонией разума, определенно звучал вопрос. Уцепившись за призыв, я сумела сфокусировать взгляд, уже узнавая пугающие черты чудовища. Амиот, несомненно, видел мой приступ и отреагировал, желая понять его причину.

Но для меня ничто не имело значения, кроме внезапно исчезнувшей боли и облегчения — невыносимый писк пропал. А с ним и его нестерпимое воздействие. Не сразу осознала, что Седьмой держит меня на руках, максимально открыв своему взгляду, пристально изучает наверняка обезображенное страданием лицо, прислушивается к тяжелому судорожному дыханию. А я смотрела на него, опасаясь лишь нового всплеска черепдробительного воя. И чем дольше длился наш зрительный контакт, тем больше крепла уверенность: амиот не выглядит страдающим! Или мне это только кажется?..

Попытаться узнать, как на самом деле, у него самого? Безумие. Однако рядом был только Седьмой, а я буквально содрогалась от мысли, что убийственный звук вернется. Инстинкт самосохранения не позволял бездействовать и требовал разобраться в том, что меня определенно убивало. Узнать истину, пусть даже с помощью врага.

— Звук..

Вроде громко сказала, но сама себя не услышала — то ли слух еще не вернулся, то ли мои потуги выдавить из себя хоть что-то не дали результата. Однако монстр отчетливо повторил:

— Звук.

Среагировал он на мой голос или, как прежде, на мысли, меня сейчас не волновало. Как и то, почему Седьмой вообще тратит на меня время и силы, а не отшвырнул прочь, как заплесневевшую корку, утратив гастрономический интерес. Важнее было умереть. Не уверена, что смогу вынести еще одну агонию.

— Ты... — пришлось проглотить скопившуюся во рту кровь. — Ты его слышал?

Амиот не спешил с ответом, но я каким-то внутренним наитием ощутила: он анализирует отрывочные слова, отыскивает в своем мировоззрении то, что способно объяснить мои всхлипы. Пристальный взгляд стал еще более цепким, и в нем присутствовал все тот же необъяснимый пугающий интерес.

Понимание этого заставило собраться. Теперь хотелось, чтобы меня поняли как можно быстрее, а страх повторения заставлял подыскивать слова, описывающие пережитое минуты назад.

— Больно... очень. В голове.

Сил говорить едва хватало, сама себе напоминала недавних подопытных, с явной натугой исторгавших из себя речь. Губы слушались плохо, все еще отходя от последствий спровоцированной болью судороги. Но амиот услышал. Склонился ближе и пальцами, на удивление, не рана острыми ногтями, коснулся моего виска.

Однако даже это не настолько уж страшное касание заставило запаниковать.

— Нет!

Кажется, на этот раз получилось вскрикнуть. Алая пелена, обступившая лицо амиота, — наверняка последствие лопнувших в глазах капилляров — стала мутнеть.

Седьмой отреагировал с той же сверхскоростью, присущей их новообретенным телам. Я была его жертвой, но он точно не стремился причинить мне боль и при моем крике не просто убрал руку, но еще и отодвинул меня, отстранившись.

Я оказалась болтающейся на его вытянутой в сторону руке. Мне бы испытать облегчение, когда избравший меня игрушкой дьявол отдалился, но... синхронно с приглушенно зазвучавшим воем подступила боль. Медленно вгрызлась острыми гранями в виски, заставляя забиться в новой судороге. Опять?! Нет, нет, умоляю...

— Звук! — услышала я свой негромкий вскрик. — Он убивает, душит...

Не успела описать ощущения, как боль пропала, сменившись неопишемым облегчением и тишиной. Только сильное сердце амиота билось где-то возле щеки — он снова прижал меня к себе.

— Звук? — спросил совершенно спокойно. В неизменно отстраненном тоне ни паники, ни муки. — Да, я воспринимаю четкую постоянную пульсацию. Она присутствует во внешней среде. Это угнетает добычу?

Он склонил голову, словно прислушиваясь. Или, возможно, советуясь с себе подобными привычным им безмолвным способом?

Больше не пытаюсь отстраниться, я едва ли понимала смысл слов, бормотание казалось бессмыслицей. Да и толку? Мне не объяснить, ему не понять. Одно верно: амиот или никак не реагирует на вой, или к нему невосприимчив. Вероятнее всего, навязанное ему тело просто выносливее.

Какое-то время я лежала, опасаясь пошевелиться, чтобы не спугнуть временное состояние покоя и не спровоцировать новых мучений. Что это? Почему оно вдруг накатывает неожиданно, необратимо? Пульсирует...

Стоп! Амиот тоже упомянул пульсацию. Значит, ощущает звук? Выходит, дело опять в том, что я физически слабее? Он противостоит этому воздействию извне, а я — нет. Он сказал, постоянная, но почему тогда вой накатывает на меня внезапно и так же исчезает?

Закрыв глаза, слушала ровный стук сердца моего пленителя — удивительно, но это помогало думать.

— Звук угнетает? Это больно Трое? Когда?..

Он снова спрашивал, а я не понимала почему. Стала бы на его месте так настойчиво интересоваться состоянием жертвы в момент, когда важнее все силы бросить на осмотр места катастрофы? Сомнительно...

Ощущение прохладной руки на лбу как безмолвный ответ. Давления не было, и потому я не испугалась, не шарахнулась из последних сил в сторону.

В сторону... В сторону!

Догадка вспыхнула озарением: когда мое тело прижимает к себе Седьмой — я не слышу убийственного воя! Но стоит амиоту отстраниться, меня скручивает волна муки. Когда его рука, вот как сейчас, ложится на лоб — все, что сводило с ума, словно порывом ветра сносит, освобождая от гнета. Он... Он меня защищает? Его тело защищает? Осознает это сам амиот?

— Когда я далеко...

Мои губы приоткрылись, невольно отвечая на вопрос. От бессилия и отчаянного желания донести до амиота свою идею я впервые уповала на то, что он неведомым образом слышит мои мысли. И поймет суть лучше меня самой.

Тут же руки монстра сжали меня сильнее. Нет, это не превратилось в удушающую хватку, но я отчетливо распознала дополнительное усилие. Чужак меня услышал!

Едва осознав, что нахожусь под защитой, пусть еще не могла постичь ее природу, начала успокаиваться. Разум отошел от болевого шока и теперь принялся разбираться в вихре атакующих мыслей.

Моментально вспомнились слова, брошенные штурманом перед посадкой: «Приливные ультразвуковые волны... Мы там за пару дней загнемся, как и те горе-переселенцы, кто успел на Землю инфу отправить вместе с предупреждением «сюда не соваться!»

Ультразвук! Вот что это было! А тело Седьмого, похоже, генерирует нейтрализующее поле! Или это делает его разум? Возможно, он как-то интуитивно глушит опасный диапазон излучения. Других предположений не было, ведь очевидно, что для покинувшего лабораторию подопытного звук проблемой не стал — о телах, созданных для амиотов, все мы знали не больше, чем об их прежнем бестелесном облике.

Пожалуй, быть с ним рядом не так уж плохо. Безопасно.

Безопасно?! Кажется, я схожу с ума. О какой безопасности думаю, если амиот в любую секунду способен меня... выпить. Все они способны — видела собственными глазами.

Стоило подумать о пищевых пристрастиях недавних подопытных, как Седьмой встряхнулся. Почувствовав его движение собственным телом, взглядом метнулась к неизменно безэмоциональному лицу амиота. И в тот момент было в этом устрашающем мужчине ощущение глубинного довольства. Что-то подобное урчанию сытого кота.

Он не выпивает меня, потому что сыт?

— Глупо, — неожиданно раздался над моей головой строгий голос. — Сейчас нет смысла. Потом нет смысла. Ты не еда.

Не еда? Нервно сглотнула, ощутив больше тревоги, нежели облегчения. Есть не собирается, но и не отпускает. Тогда что я для него? Или... кто?

— Женщина, — припечатал монстр, словно воспроизводя ранее услышанное. Или отвечая на мой безмолвный вопрос? —

Противоположная особь. Нужна для размножения. — Задумался, вряд ли представляя суть сказанного, слишком далеки подобные практики от существования нематериальных существ. Но амиот проявил свойственную их кошмарной расе практичность и любознательность: — Это непонятно, но интересно. Будешь показывать.

Что?! Показывать? Как размножаться?

Едва не задохнулась от шока. Впрочем, мозг, все еще ощущаю контуженный экстремальным воздействием ультразвука и гибелью коллег, отреагировав на это вопиющее заявление и, как следствие, получив основательную встряску, наконец-то начал функционировать более-менее нормально.

Седьмой... Он, видимо, слышал все, что я говорила Третьему на звездолете, объясняя странное поведение амиотки. И запомнил. Больше того, не понимая и толики услышанного, заинтересовался. И нашел самый «подходящий» момент высказаться.

«Вот дура... Сама себе яму вырыла! Как теперь из нее выбираться?!» — набатом застучало в голове, и я погрязла во внутренних кошмарах, немного абстрагировавшись от жутких реалий.

— Не из чего выбираться, — вновь продемонстрировал чудеса телепатии амиот. — Твоя «яма» осталась на корабле, что от него уцелело — далеко, почти под поверхностью, ты не там... — Монстр задумался и замолк. Наконец с изрядной долей сомнения спросил: — Ты уверена, что рыла ее? Я не видел.

Он не шутил. С вдумчивостью, которая, в моем представлении, имеет смысл лишь в серьезном разговоре, задал смехотворный вопрос, вновь продемонстрировав полное незнание элементарных вещей. Будь на месте Седьмого обычный человек, находишься мы в более спокойной обстановке, от души посмеялась бы. Но холодный, лишенный и намек на эмоции взгляд, которым на меня смотрел амиот, ужасал настолько, что становилось не до смеха. Кто знает, вдруг он воспримет это как оскорбление и забудет о своем интересе к неуместно возникшей теме размножения? И выпьет. Или отшвырнет, отдав на растерзание смертоносному звуковому воздействию.

От ужасающей перспективы, вопреки внутреннему неприятию, теперь уже я сама вцепилась в своего жуткого похитителя. Пальцы в эластичных перчатках скафандра судорожно сжались, ухватившись за его предплечье и грубый край ворота.

Грубый вовсе не из-за качества ткани, а от грязи. В заско-рузлом материале я с трудом опознала жалкие трико и водолазку, в которые облачили пленников перед боем. За время, прошедшее с того дня, одежда впитала кровь, собрала всю пыль и грязь рушащегося в круговороте вибрации, сгорающего в атмосфере корабля и в довершение пропиталась ржавой болотной жижей.

Амиоты явно не придавали значения одежде. Им и в голову не пришло сменить непрактичное одноразовое белье хотя бы на комплекты униформы команды из запасов звездолета. Прежде не знавшие материальных потребностей, монстры не считали необходимым прикрывать себя. Им неведомо понятие стыда? Или просто непостижима мысль, что материальным оболочкам может требоваться дополнительная защита, пусть даже формальная, с учетом неуязвимости искусственно выращенных тел? Вот мы с Игерем, едва осознав угрозу неминуемого падения, первым делом вцепились в скафандры..

Невольно вздрогнула, вновь вспомнив кошмарные минуты аварийной посадки. Мне повезло выжить. А что с другими?! Не с амиотами, а теми, кто попал в плен к этим ненасытным нелюдям?

Сделав уже осознанный глубокий вдох, радуясь, что воздух пригоден для дыхания, я повернула голову, чтобы увидеть хоть что-то помимо грязной водолазки и спутанных до состояния пакли волос Седьмого.

И увидела.. лежащие чуть в стороне на возвышении, подобном островку среди мутной жижи, уложенные едва ли не штабелями тела других пленников. Искореженные, с явными признаками повреждений на скафандрах, следами крови и с застывшими масками предсмертной агонии на лицах.

Страшное зрелище. Однако и понимание причин их гибели тоже присутствовало — ощущения череподробительного воя еще были свежи в памяти. Как и осознание — я могла лежать